

Я с трудом поднялась на ноги и бросилась к обугленным развалинам. Под ногами хрустели раскаленные осколки черепицы и ледяной пел, каждый шаг отдавался болью, будто ступала по лезвиям ножей.

Когда-то это был дом — пусть и не самый уютный, но в нем жил он, и это имело значение. Теперь же от него остались лишь обгорелые стены. Запах гари вперемешку с клубами желтой пыли намертво перехватил горло, на языке ощущался солоноватый привкус железа, и даже от каждого вдоха рвалась на части исстрадавшаяся грудь.

Я закричала, обезумев от горя, голос сорвался до хриплого хрипа:

— Система!! Система!! Он ведь не умер, правда?! Он ведь еще жив?!

Мертвая тишина.

Бескрайняя, зловещая тишина.

Система не отзывалась ни единым звуком. Холодное молчание, словно отравленный тупой клинок, раз за разом кромсало мое сердце, безжалостно растаптывая последние крохи надежды.

— Почему... скажи мне... почему...

Колени подогнулись, и я тяжелымком осела прямо на пепелище. Одежда покрылась пылью, слезы хлынули сами собой, обжигая щеки, но они не могли согреть ледяную пустыню, в которую превратилось мое сердце.

Стеклянным взглядом я уставилась на кружащуюся в воздухе пыль. Мир перед глазами расплылся, превратившись в бесцветное марево. Больше ничего не осталось: ни его, ни дома, ни даже надежды.

В этот момент порывом ветра к моим пальцам прибило пожелтевший лист бумаги.

Я механически сжала его в кулаке, побелевшие суставы казались хрупкими, словно бумага могла вот-вот рассыпаться от моего отчаянного усилия.

Темные, почти черные зрачки намертво впились в строки. Черным по белому — эти слова резали глаза острой болью, каждое из них жгло изнутри, точно раскаленное железо, впаиваясь прямо в кости:

Отказ от родственных связей.

Внизу стояли подписи моих кровных родителей.

А в графе «выгодоприобретатель» четко значилось: Юань Лайяс.

Вот оно что.

Блуждающий поблизости бесприютный призрак, сжалившись надо мной, решил открыть мне правду.

Какая случайная пожар! Это было самое настоящее преднамеренное убийство.

Они заманили брата домой, чтобы втайне сговориться и присвоить его страховые выплаты за

несчастный случай.

Призрак даже по-доброму предупредил меня: мои кровные родители планировали после гибели брата использовать меня как ступеньку для выхода в высший свет.

Только вдумайтесь: даже посторонний, чуждый всему живому дух оказался способен посочувствовать моему несчастью.

Выходит, он отдал собственную жизнь за этот тонкий, ледяной лист бумаги.

Мой глупый, наивный братец...

Я судорожно сжимала бумагу, все мое тело колотила мелкая дрожь. Рыдания застряли в горле, не издавая ни звука, и только слезы непрерывным потоком капали на документ, размывая чернила.

Ну как же он мог быть таким глупцом?

Как он посмел поступить столь опрометчиво?

Ради столь бессердечных людей, ради этой никчемной бумажки он отдал свою жизнь, заложил все наше общее время, все воспоминания.

Над руинами завывал ветер, гоняя по кругу пепел. Свернувшись калачиком в холодной пыли и прижимая к груди свидетельство об отказе, я чувствовала, как рушится весь мой мир, погребая под собой последнюю волю к жизни.

В этом мире больше не было брата.

И мне больше некуда возвращаться.

— Обнаружено сильное сопротивление со стороны носителя, инстинкт самосохранения превысил допустимый порог. Немедленно приступаю к стиранию эмоционального блока.

Нарочито притворный, приторно-сладкий голос прозвучал сейчас с особой, зловещей иронией.

Последним, что отразилось в моем угасающем сознании, были холодные капли дождя, стучавшие по щекам. Они смывали слезы, стирали образ брата, стирали этот лишенный всякого смысла дом.

Я видела его — видела брата. Его призрачные объятия прошли сквозь мое падающее тело, и я, из последних сил цепляясь за остатки рассудка, помахала ему рукой, точно так же, как делала это бесчисленное количество раз, ожидая его возвращения домой.

— Хозяйка, он всего лишь плоский персонаж на бумаге, умер — и черт с ним. Ты — Юань, а не Лайяс, поиграла и хватит, не вздумай сама поверить в эту сказку, — мягкий, вкрадчивый девичий голосок зазвучал в моей голове, искушая и завлекая.

Её подопечная оказалась слишком чувствительной, а с такими сентиментальными людьми выполнять последующие задания будет непросто. Изначально она вовсе не планировала действовать напролом перед самой носительницей...

Тучи рассеялись. Солнечные лучи ласкали следы дождевых капель, проникая в комнату через цветные витражи. Они преломлялись в причудливые узоры, разгоняя мрачную тенистую

атмосферу больничной палаты.

Я лежала на больничной койке, в тыльную сторону моей бледной кисти была вотвлечена игла капельницы. Мерное тиканье лекарства сливалось в одно целое с назойливым, непрекращающимся бормотанием системы, заполнявшим мою голову.

— Ребенок, как ты себя чувствуешь? — в палату кто-то вошел.

Супруги Деласонье неторопливо приблизились к моей кровати. Теплая ладони госпожи Деласонье бережно укутала мою руку, онемевшую от долгого неподвижного лежания.

Я постаралась ответить ей легкой улыбкой, в которой читалось робкое доверие:

— Госпожа, благодарю вас.

Госпожа Деласонье долго говорила слова утешения и заботы, пока наконец стоявший рядом супруг не положил руку ей на плечо.

— Мисс Лайяс, пожалуй, называть тебя Юань будет куда более привычно и тепло, — заговорил он. — Твой брат оказал мне неоценимую услугу. Перед смертью он передал мне письмо, наказав вручить его тебе.

С этими словами он протянул мне конверт из тонкой бумаги. Видимо, понимая, что его излишне сухой тон может напугать и без того хрупкую девушку, мужчина после передачи вещдока от покойного мягко потрепал меня по макушке, бережно развернулся и вышел, оставляя нас с госпожой Деласонье наедине.

Госпожа Деласонье тоже было собралась уходить, но я в отчаянии ухватила ее за край одежды:

— Госпожа... мне страшно, вы не могли бы остаться со мной? — мой голос дрожал от неуверенности, а вторая рука судорожно сминала простыню, оставляя на ткани безобразные складки. Госпожа де Драсонс внезапно вспомнила о своем обреченном на смерть младшем сыне, который лежал прикованный к постели, и ее сердце смягчилось. Она знала семью стоявшей перед ней девочки и прониклась к ней еще большим уважением и сочувствием.

Опираясь на мою руку, она вернулась к креслу и стала смотреть, как я медленно вскрываю конверт.

Письмо было коротким, но каждое его предложение было обо мне — о моем прошлом, моем настоящем, моем будущем. О своей собственной болезни — раке — он упомянул лишь вскользь, написав, что накопил для меня в Англии дом и немного денег. Если я захочу остаться во Франции, меесье де Драсонс возьмет заботу обо мне на себя. Тот дом уже отрекся от меня, но теперь я свободна.

В самом конце письма буквы были размыты высохшими слезами. Он написал:

— Я знаю, что у моей сестры Юй Ань есть секреты и задачи, о которых обычные люди не ведают. Я не знаю, через сколько трудностей тебе придется пройти, но я хочу сделать для твоего счастья всё, что в моих силах. Моей Юй Ань вовсе не нужно сиять слишком яркой звездой, пусть даже ее жизнь будет самой тихой и размеренной.

Нож, терзавший сердце, казалось, больше не причинял такой уж сильной боли. Было ли это оцепенением от горя или полным отсутствием чувств? Я, кажется, почти ничего не ощущала?..

Я знала лишь одно: слезы, смешанные с рыданиями, падали на тонкую бумагу письма.

— Хотя мои чувства постепенно угасают, я все равно продолжаю любить людей на физиологическом уровне.

— Госпожа, я хочу уехать в Англию...

— Не хочет ли Юй Ань стать моим ребенком? Будем жить как дальние кузены.

Эти слова прозвучали одновременно. Мы с госпожой де Драсонс переглянулись и вдруг безо всякой видимой причины рассмеялись.

— Госпожа, я благодарна вам за вашу доброту, но я жажду свободы и не желаю оставаться взаперти в этом уголке мира, — мой голос звучал чисто, губы тронула легкая улыбка, а в глубине глаз светилась благодарность, за которой, впрочем, угадывалась непреклонная, упрямая стойкость.

Излишние слова были ни к чему — госпожа де Драсонс всё поняла. Она осознала, что если эту пылкую розу сковать оковами так называемого социального положения, ее постепенно лишат жизненных сил, и в конце концов она увянет. Она создана для куда более просторных горизонтов.

— Что ж... а до тех пор живи здесь и ни о чем не беспокойся, — госпожа де Драсонс мягко стерла с моих щек оставшиеся слезы, встала и, точно так же, как ее муж, легко похлопала меня по голове.

С улыбкой на губах она тихо прикрыла за собой дверь.

Как жаль лишь эту любовную историю, которой было суждено завянуть, толком не успев начаться; в конце концов, все мечты пошли прахом.

Она видела всё ясней некуда: он уже давно вплел имя Юй Ань в круговорот повседневности, превратив его в имя, которое срывалось с губ машинально. В те дни его взгляд, обычно исполненный строгости и благородного достоинства, теплел лишь тогда, когда он смотрел на нее. Неотчетливая, почти незаметная улыбка озаряла его лицо, но она была совершенно реальной и предназначалась исключительно для этой юной девушки.

Она даже говорила об этом с мужем, который был в курсе дела, и до сих пор помнила его серьезные слова, сказанные в шутку:

— Если сердца обоих молодых людей тянутся друг к другу, почему бы не обручить их, когда они достигнут совершеннолетия? Судя по всему, это Жозефу еще повезло заполучить такую невесту.

Месье де Драсонс знал, что супруге по душе эта девочка, Юй Ань. Сама она замечала лишь то, как странно мальчики ведут себя рядом с ней, но не замечала, как часто и сама заводит разговор о Юй Ань. Ну просто настоящая семья.

Если оба испытывают взаимную симпатию, то какая разница, равны ли они по происхождению? Семья де Драсонс еще не пала до того, чтобы приносить женщин в жертву ради выгоды.

Госпожа де Драсонс забыла подумать о другом: если бы Юй Ань стала госпожой де Драсонс, тяжелые наряды помешали бы ей скакать верхом на лошади, а придворный этикет ограничил бы ее дерзкую, ничем не сдерживаемую улыбку.

А если бы со временем Жозеф разлюбил ее, что бы тогда стало с ней? В высшем свете подобное давно вошло в привычку. Самой ей посчастливилось встретить мужа, который любит ее всем сердцем, но она не могла поручиться, что сердце ее ребенка никогда не изменится.

И тогда та наивная, беззаботная девушка лишилась бы возлюбленного, лишилась бы самой себя, лишилась бы всего... Пожалуй, лучшему исходу для этих чувств было бы так и не начаться вовсе.

Я выдернула иглу капельницы, босиком прошла по деревянному полу и посмотрела сверху вниз на лужайку за окном. Солнечные лучи бережно поддерживали мое лицо, ветер заиграл подолом моего платья. Мой взгляд случайно столкнулся с кем-то в соседней комнате, и тот поспешно отпрянул.

— Хозяин, тебе нельзя в Англию! Если ты уедешь, как же быть с заданием? — жалобный голос системы раздался прямо у меня над ухом.

Я отвела взгляд и бросила на нее короткий косой взгляд.

— У меня сейчас нет настроения. Разве я не могу вернуться позже? Мне нужно развеяться, к тому же я с тобой не советовалась — мои ноги при мне, знаешь ли.

Я раздраженно цокнула языком, придвинула стул и принялась собирать вещи.

— А ведь сработало! Вот теперь это прежний хозяин, — система зловеще хихикнула, в ответ на что я закатила глаза. Как же она надоела: изо дня в день издает этот дурацкий стариковский смешок, неужели она думает, что это выглядит круто?

Шкала любви Жозефа: 75%

(Любовь, которую невозможно высказать зимой)

Шкала дружбы с Клодом: 90%

(Ушедшая она, мой лучший друг...)

<http://bllate.org/book/20901/2113075>